

Александр Осипов

Şener Aktürk. Regimes of Ethnicity and Nationhood in Germany, Russia, and Turkey. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 321 pp. ISBN: 978-1-1076-1425-3.

Alexander Osipov. Address for correspondence: European Centre for Minority Issues, Schiffbrücke 12, Flensburg, 24939, Germany. osipov@ecmi.de.

Книга Шенера Актюрка, доцента Университета Коча в Стамбуле, написанная из перспектив политической науки, интересна во многих отношениях. Она посвящена изменению «режимов этничности», которые Актюрк определяет как политику конфигурирования нации в связи с ее этническим обликом; при этом конфигурирование понимается как установление критериев членства в нации и модусов публичных презентаций этничности. Основное внимание автор уделяет исследованию политических институтов, но немалая часть текста отведена описанию политических процессов, а именно выборов, публичных дебатов и формирования общественных коалиций. Книга информативна, основана на множестве разнообразных и отчасти впервые введенных в оборот источников (в том числе материалов из архивов Германии, России и Турции, а также авторских интервью) и посвящена сравнительному анализу ранее редко рассматриваемых сюжетов. Наконец, она предлагает в ряде отношений новую методологическую перспективу в исследованиях национализма и этничности.

Автор сравнивает три страны – Германию, Турцию и СССР/Россию, где на протяжении последних десятилетий произошли глубокие и радикальные изменения. В Германии этническое понимание согражданства было серьезно поколеблено принятием в 1999 году нового законодательства, открывшего возможность натурализации для иностранцев не немецкого происхождения. В Турецкой Республике государство десятилетиями принципиально отказывалось от самой возможности обсуждать этническую и культурную неоднородность турецкой нации и преследовало в уголовном порядке тех, кто публично упоминал о существовании курдов как отдельной от турок общности. Однако в 2000-е годы начались открытые дебаты о решении курдской проблемы, государство повернулось лицом к алевитской общине (которую автор вслед за многими политиками и экспертами определяет как культурно-этническую общность), а в 2004–2009 годах было открыто публичное теле- и радиовещание на нескольких языках меньшинств (арабском, боснийском, курманджи, зазаки и черкесском). В СССР одной из несущих конструкций официальной «национальной политики» была обязательная фиксация индивидуальной этнической принадлежности; в 1997 году в России запись о национальности во внутренних паспортах была упразднена.

Как стали возможны такие, по мнению автора, радикальные и казавшиеся ранее немислимыми изменения? Книга посвящена поиску ответа на этот вопрос, и этой логике подчинены ее структура и содержание. В первой части излагается

авторская гипотеза, вводятся ключевые аналитические категории и дается обоснование отбора анализируемых случаев. В следующих трех частях в хронологическом порядке описываются политические процессы, изменившие «режимы этничности» в Германии, Турции и России. В заключении излагаются выводы, обосновывающие и подтверждающие авторскую теорию и показывающие сферы и границы ее применения.

Для описания основных модусов и критериев членства в нации Актюрк использует категорию «режима этничности», которую понимает как совокупность устойчивых и взаимосвязанных правовых и организационных характеристик (с. 10). Автор вводит три основных идеальных типа режимов: моноэтнический (определяющий нацию как этническую общность), антиэтнический (отрицающий этническую неоднородность и ее релевантность для строительства нации) и мультиэтнический (признающий этнический плюрализм внутри нации). По его мнению, три выбранных примера максимально приближены к каждому из трех типов, соответственно. Германия до 1999 года может служить примером моноэтнического, Турция до середины 2000-х – антиэтнического, а СССР/Россия – мультиэтнического режима.

Актюрк пытается найти объяснение тому, почему укорененные и институционализированные режимы этничности могут подвергаться столь глубоким трансформациям в «нормальных» условиях, при отсутствии катастрофического обрушения государственности и политической системы. По мнению автора, такие изменения становятся возможными при одновременном наличии трех обстоятельств: при появлении влиятельной контрэлиты, заинтересованной в пересмотре прежних «правил игры», при распространении нового дискурса о нации и этничности, а также при наличии «гегемонистского большинства», которое обеспечивает безусловное доминирование пришедшей к власти контрэлиты. Как показывает Актюрк на примере эволюции трех изучаемых стран, при отсутствии хотя бы одного из этих условий трансформации режима этничности не происходит, но во всех описываемых случаях успешного перехода все три условия наличествуют.

Что нового книга Актюрка привносит в исследования этничности и национализма, помимо богатого фактического материала о дебатах вокруг нации в Германии, Турции и (в меньшей степени) России? Во-первых, само по себе введение в оборот термина «режимы этничности» можно рассматривать как достижение. Хотя категория «режим» активно и успешно применяется в социологии (гендерных исследованиях в частности) и в изучении международных отношений, в этнических исследованиях ее явно не хватало, особенно на фоне таких архаичных терминов, как *minority-majority relations* (отношения между доминирующей группой и меньшинством). Актюрк использует категорию «режима» в сравнительно узкой области, для описания только публичной политики, связанной с законотворчеством и выработкой стратегических решений. Между тем в перспективе уместным было бы расширение этих рамок и включение в них других сфер общественной жизни, в частности, рутинного функционирования бюрократического аппарата и в целом «инфраструктурной власти» (Март 1984), а также неформальных институтов.

Во-вторых, нельзя не приветствовать книгу Актюрка как образец институционального исследования, поскольку этническая проблематика изучается таким образом пока реже, чем хотелось бы. Неинституционализм хорошо объясняет устойчивость и преемственность институтов, хотя бы с помощью известной теории *path dependence* («тропы зависимости») (Mahoney 2000). Однако его слабое место – объяснение источника и механизма институциональных изменений в условиях эволюционного развития, которое не сопровождается сломом прежних общественных структур. Попытка Актюрка написать теорию некатастрофического изменения институтов, формирующих согражданство и формы этнического плюрализма, заслуживает самой позитивной оценки, тем более, что аргументация автора выглядит вполне логичной и убедительной.

То, чего в книге не хватает или что вызывает вопросы, связано в основном с амбициозностью задачи и невозможностью охватить сложную и текущую реальность единой общей теорией, с одной стороны, претендующей на универсальность, а с другой – разработанной на основе ограниченного поля эмпирических исследований. В очередной раз читатель имеет возможность убедиться, что идеальный тип в веберовском понимании плохо работает в качестве описательной модели. Актюрк вроде бы регулярно делает оговорки о том, что его схема касается именно идеальных типов, но попытки представить изучаемые случаи как их наглядные иллюстрации порой вызывают досаду. Увы, всегда находятся детали, которые портят стройную картину. Например, Турцию вроде бы можно представить как наилучшее воплощение антиэтнического режима, подчеркнуто игнорирующего этничность как нерелевантную для нациестроительства. Но как с этим соотносятся инвестиции, которые государство вкладывало в изучение, доказательство и демонстрацию тюркских культурных и генетических корней турецкой нации? Как «антиэтизм» внутренней политики сочетается с официальным интересом к развитию связей с другими тюркскими народами, который на разных уровнях и в разных формах проявляется в течение десятилетий? Как можно прокомментировать существующий с 1930-х годов институт «национальных беженцев» (*muhacir*), к каковым относят лиц только тюркского этнического происхождения?

Теория Актюрка хороша для анализа демократического общества, где решения принимаются в результате политической конкуренции и публичных обсуждений. Даже по материалу, приведенному в книге, видно, что для описания авторитарно-бюрократических механизмов требуется иной (или как минимум – уточненный) инструментарий. Оказывается, что сказать о планах советского руководства в отношении «паспортной национальности» почти нечего – нет информации, кроме слухов; официальная риторика при этом эклектична и противоречива, а проследить причинно-следственные связи между официальными текстами и принятием решений оказывается едва ли возможно. Так же можно оценить и описание постсоветских реалий – даже использованные в книге материалы показывают, что отмена «паспортной национальности» была скорее следствием внутриаппаратных интриг, чем открытого процесса выработки политического решения. Кроме того, остается непонятным, как относиться к феномену «системного лицемерия» (Brunsson 2009), когда риторика организации отличается от логики ее

функционирования или когда деятельность одной части организации противоречит тому, что делает другая часть. В таких условиях, наличествующих, в частности, в постсоветской России, сложно установить критерии значимости тех или иных мер или решений, коль скоро они находятся в очень сложном соотношении с официальными репрезентациями, а их эффекты серьезно корректируются неформальными институтами.

Собственно, остающиеся сомнения и неразрешенные вопросы можно тоже считать указанием на достоинства книги, поскольку она таким образом стимулирует поиск и постановку новых исследовательских задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brunsson, Nils. 2009. *Reform as Routine: Organizational Change and Stability in the Modern World*. Oxford: Oxford University Press.
- Mahoney, James. 2000. "Path Dependence in Historical Sociology." *Theory and Society* 29(4):507–548.
- Mann, Michael. 1984. "The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms, and Results." *European Journal of Sociology* 25(2):185–213.